

1999. Горькая тайна

Что это значило для Церкви и всего материка?

Многие уже поспешно гадали, чем обернется это внезапное появление Стабиле.

«Сын мой, ты славно потрудился за эти годы» - Стабиле положил руку на голову Батистуты и мягко добавил: «Помнишь, мы были мальчишками в церковном хоре, и мы оба живы до сих пор, чего ж еще? Ты отлично поработал, просто замечательно, ты восстановил [Храм чернорубашечников], и я горжусь тобой.»

«Господин, так когда вы тогда исчезли...»

«Восемьсот лет назад Блаттер и его приспешники перехитрили меня, хоть у них и не получилось убить меня, они заточили меня на острове Сицилия и истязали на протяжении всего этого времени разными магическими пытками, я так давно не видел солнечного света, каждый день только попеременно холод и жар, мне только и оставалось, что ждать перемены обстановки, и я долго ждал...» - со вздохом ответил Стабиле.

Жуткие описания судьбы этого человека были тем страшнее, чем спокойнее он об этом говорил.

Трудно было поверить, что заточенный на восемьсот лет и подвергаемый непрерывным пыткам мастер выжил, хоть тогда он и был уже богом обычного ранга, но все-таки как он не сошел с ума от этого существования?

И все же восемьсот лет истязаний превратили этого некогда могущественного папу в немощного старика.

«Год назад между Блаттером и Платини развернулась борьба, и Платини, чтобы столкнуть Блаттера, тайно отправил ко мне человека, и мне наконец представился случай выбраться.» - продолжил Стабиле.

«Но тогда сейчас Церковь...» - начал было Батистута.

«Все верно, сейчас Церковь под моим контролем...» - на лице старца наконец проступило подобие довольной улыбки, напомнившей людям его прежнего, в расцвете силы и славы.

И в самом деле, после стольких лет наконец ускользнуть из заключения, избежать преследования Блаттера и стать папой самому за полгода - это и впрямь был подвиг, учитывая, что Блаттер держал Церковь под контролем восемь веков.

Этому было только одно объяснение - борьба Блаттера и Платини ослабила их обоих, а у Стабиле все еще были в памяти какие-то древние могущественные чары.

Истинные мастера часто совершают то, что кажется невозможным.

Сун Фей пристально смотрел на дряхлого старца.

Услышав эту горькую историю, он внутренне начал испытывать к нему уважение, там, где любой бы свихнулся за восемьсот лет, этот человек выстоял, вот это да!

Мастера вокруг тоже невольно зашептались.

Выходило, что огромная цена, заплаченная папой за восстановление власти, шла на пользу материку.

Ведь восемьсот лет назад, когда Церковь была под руководством папы Стабиле, она и впрямь олицетворяла милосердие, справедливость, свет, ее репутация была чиста, ее служители помогали бедным и исцеляли больных, а ее рыцари боролись со злом по всему свету.

Восемьсот лет назад континент знал золотой век человечества.

И сразу же после исчезновения папы Стабиле, когда его место занял папа Блаттер, Церковь начала меняться, разлагаться, жаждать денег и власти... В результате прежняя светлая миссия была утрачена, и Церковь проявила свою темную сторону, превратившись в жестокого хозяина материка, которому никто не смел возразить.

Возможно, возвратившийся папа смог бы все вернуть вспять.

В конце концов, главный виновник, папа Блаттер, был арестован, а его заместитель папа Блаттер был убит.

Батистута, сдерживая обуявшие его эмоции, почтительно поклонился папе Стабиле и подошел к Сун Фею.

Его немного терзали угрызения совести, так как после предполагаемой гибели папы Стабиле, трон папы [Храма Чернорубашечников] был предложен Северному владыке, но с другой стороны, тот хорошо показал себя и вернул храму его славу и силу, дав ему новое рождение. Но кто же сейчас должен быть папой [Храма чернорубашечников]?

Если случится конфликт, между Северной империей и Церковью опять разразится война.

Батистута понимал масштабы силы Северной империи, а размеров силы Северного владыки не знал никто, так что в случае конфликта даже Церковь в ее лучшие времена долго бы не продержалась.

«Сын мой.» - Стабиле с улыбкой внимательно посмотрел на Сун Фея и мягко шагнул вперед: «Я думаю, тысячелетний старик все-таки может называть тебя так, не правда ли? Сейчас ты должен отбросить предрассудки о Церкви, и тогда мы сможем мирно поговорить?»

Сун Фей сошел с [Трона Сотворения мира], слегка поклонился и произнес: «Разумеется. Я хочу выразить вам мое почтение.»

От этой фразы охнули все мастера, наблюдавшие за этой сценой – этот, по слухам щедрый и милосердный, император не зазнался и не обнаглел от своей огромной силы и высокого положения!

Этот легкий поклон как минимум означал, что Северный владыка тоже беспокоится о мире и спокойствии в Азероте.

«Действительно молодой герой.» - глаза старого Стабиле обрадованно засияли; словно увидев в Сун Фее себя в молодости, он вздохнул: «Когда я был в заточении, я беспокоился, что такой же алчный и властолюбивый папа, как Блаттер, опять ввергнет материк в пучину бед.»